

Родилась в 1987 году. Всю свою сознательную жизнь провела в Москве. Рано приобщилась к литературе, так как дедушка по папиной линии писал стихи. В семье принято было много читать, поэтому детство было наполнено стихами Цветаевой, Мандельштама, Маяковского, Блока. В 10 лет написала своё первое стихотворение, с 13 публиковалась в местной городской газете. Окончила лингвистический лицей. Во время учёбы часто участвовала в литературных олимпиадах. В 2007 году вышел мой первый поэтический сборник «Шаг и мат» (тираж полностью распродан). В 2009 году получила диплом переводчика. В это же время создала музыкальный коллектив, с которым выступала (чтение стихов под музыку) в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России. В 2013 вышел мой второй поэтический сборник «Nota Bene», презентация которого состоялась в московском клубе Билингва, а ряд стихов был переведён на английский и исландский языки. В данный момент работаю переводчиком и пишу свой первый роман. Публикуюсь под творческим псевдонимом Промч, прошу, чтобы мои стихи в случае публикации печатались под творческим псевдонимом.

СМЫСЛА НЕТ

Какой в тебе смысл, если тебе нельзя позвонить среди ночи?
Рисовать на стекле кометы, нелепо хихикать в трубку?
Говорить: ты вообще ни черта не смыслишь, смотри, короче,
У меня от твоих шагов вот такие внутри зарубки.

Какой в тебе смысл, если слова для тебя, словно дождь по крыше?
Всё, что тебе достаётся от этих стихов — их факт.
Может, расскажешь о них своим не рождённым пока детишкам?
И они, подражая мне, станут готовиться на филфак.

Какой в тебе чёртов смысл, что засел во мне, словно пуля,
Бережит среди прочих телец мой подтопленный океан?
Мы не виделись вечность и три цистерны — с конца июля.
Я успел поменять три дома, прочесть коран.

Ну какой в тебе цимес? Какой неразрывный атом?
Я лежу на песке, под затылок приладив ласты.
Он живёт в тебе, этот смысл, обвивает меня канатом,
Абсолютный, вселенский и совершенно мне не подвластный.

УИЛ/СМИТ

Сменяет второй самолет,
А до этого поезд, такси, паром.
Из каждого виски съедает лёд,
Не развлекает ром.

Представляется то карениной, то уилл, то смит.
Просит двухместный, но в одиночку спит.
Взаперти читает как отчет наш
Тонкую стопку писем — её багаж.

И словно молится секте почтовых крыс.
Путает с именем мужа: то жан, то крис.
Бежит ниоткуда, но будто бы видит цель.
Каблук застревает в утре, как соль в яйце.

И никого не преследует, и не ждет —
Километры наносит на раны, как будто йод.
Тут богу становится ясно, что нет никаких детей.
И никого, кому постелить постель;

Что он забыл про нее, как заплатить за свет.
И мужа, по всей вероятности, тоже нет.
Бог думает, как исправиться, но не может ее найти:
Следы так петляют, что не разобрать пути.

Он вовсе не помнит, на какой адрес писал.
Оно и понятно: наш мир как большой вокзал,
Где провожают одиножды, без надежды увидеть вновь.
А она сменяет второй самолет и верит, что это любовь.

ВЕРДАНДИ

Правда со временем становится только злее,
Как цветастые пятна на стенах в любой галерее.
Орёт из приёмника, голосит из бутылок,
Выглядывает из-под дивана: «ты про меня не забыла?»

Не покрывается порослью, не зарастает пылью.
Следит, чтоб картинка была яснее, глаз — не замылен.
И непременно ждёт от себя последствий,
Как первая двойка в детстве.

И я задвигаю её поглубже:
Травлю никотином, топлю в мелкой луже.
Игнорирую всё успешнее час от часу.
Себя превращаю в ложь, а лицо — в гримасу.

Становлюсь из свидетелей соучастником. И даже хлеще.
А что мне делать ещё? Мне делать нечего.

ПЕЙЗАЖ

Если ничейность кого-то красит, то лишь пейзаж:
Триста лет как буфет, ателье, бакалея,
Море, в него основательно впаянный пляж.
Нет ни шрамов от сгиба, ни пятен от клея.

Ниже по улице лавки, забор,
Штраф за парковку не там и не с теми.
В конце тупика местечковый габог,
Заправка, тоннель. И граница системы.

Выйти навряд ли составит труда.
Но вот где окажешься, выйдя из мира,
Тебе предназначенного, не загадав,
Чтоб утром явиться в свою же квартиру?

И белым творожным пространством извне
Забив поневоле все рамки и щели,
Ты влюбишься снова в картинку в окне,
Пусть вид скучноват, пикселит. Но священен.

Вернёшься — и старый буфет, ателье
Вдруг примут иные фактуру и форму.
Так черти вопят от восторга в котле,
Уютно плывёт грузовик в колее,
И так, как сосна, проникаясь к смоле,
Привязан смычок к отставной канифоли.

БЕЙ ВАЛЬТА

За снами смерть, за нею пустота.
Я доконал священное писание.
По складкам, залегающим у рта
Табло, не видно расписания
Тяжёлых твердолобых поездов,
Паромов, тяготеющих к цунами.
Мои побеги так надуманы, как лов
Трески в москва-реке, как смерть за знамя.
 Но мысль о невозможности уйти
 Ещё нелепее, а посему страшнее.
 На «революции» от кроющей тоски
 Овчарке стёрли нос. И я её жалею.
 Под неслабеющим вниманием времён
 Звереют все наследники престола.
 И им всё реже снится вожделенный трон,
 Всё чаще девочки и скакуны для поло.
Вот так и я, теряя связь с тобой,
От ожиданья ноющей занозы
Вдруг с головою ухожу в запой,
Паденье йены, метеопрогнозы.
Не веря, что тебя ещё коснусь,
Ведь дама пик извечно бьёт вальта,
Я безмятежно отхожу ко сну.
За снами смерть. За нею пустота.

ОТ МАТФЕЯ

«и если свет, который в тебе — тьма?»
То какова она на самом деле?
Когда на поле расцветает мак,
И сладко спит ребёнок в колыбели,

От парохода остаётся млечный след,
А солнце продвигается к востоку,
И если тьма, во мне живущая, есть свет,
Тогда ему там несравненно одиноко.

Я с каждым днём смиренней и добрей,
И скоро стану так хорош для мира,
Что кто-то ночью мне откроет дверь,
Ведущую на небо из квартиры.

Вот вечерами собирая чемодан,
Я сочиняю длинный список хлама,
Который по задумке мне заменит там
Леса, друзей и городскую панораму.

Но что-то всё всегда не то.
В таких делах никто спешить не любит.
И утром выудив со дна пальто,
Я спешно обнуляю сборы,
Себя вторгаю в шумный город,
И мне, как никогда, приятны люди.

ВОДА

За собой оставляя гладкими камни, сожжёнными
города,
Глупыми лица людей. И даже их страсти, тоску и боль.
Огибая холмы, низины покрыв собой,
Бежала без ног, без оглядки моя вода.

Бежала сквозь доки, причалы, гавани и порты,
Под мостовыми скрываясь и появляясь вновь.
Бежала вода, мешая и пот, и кровь,
Бежала в ночи. И кривились над ней мосты.

Бежала вода меж копыт, колесниц, подков.
Бежала сквозь снег, пролагала себе тропу,
Бежала, с собой унося тополиный пух.
Бежала вдоль поля, где тихо всходила рожь.

Бежала вода сквозь плотины и дамбы внахлѣст,
Бежала, до глины порой увязая в песок.
Бежала сквозь острые стебли надменных осок,
Бежала под шелест всегда недовольных берѣз.

Бежал мой ручей, мой герой, и срывал якоря,
Стремился к твоей полнокровной глубокой реке.
И чайки гаддели, над ним хохоча вдалеке.
А ты от него точно так же бежала. В моря.

ВМИГ

То утро наступило вмиг, и лишь фонарь
Ещё стоял зажжённым и нелепым.
И ты проснулась жѣванным билетом,
Листком, покинувшим настенный календарь,
Свечой, сгоревшей в пепел, дым и гарь.

Под потолком летала бабочка. На кухне
Из крана равномерно шла вода.
И ток струился с рыком в провода,
И веки от бессонницы припухли.
И ты лежишь ничейная, как рухлядь.

И свет сквозь шторы бѣётся наугад
По твоей тумбе, пуфику, паркету,
Как лев, напуганный хлыстом. Пристало лето,
Пристало к мрачным, диким берегам.
И с улиц начал доноситься гам.

Рассвет пришѣл арабом к карфагену,
Застав врасплох твою пустую спальню.
И если в тебе жили прежде тайны,
То утро все их высветит рентгеном.
Для двадцати семи ты, детка, офигенна.

